

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.511.131

Т. И. Давидюк

СВОЙСТВА СУБЪЕКТА ПРИЧАСТИЙ НА *-(e)t* В КОНСТРУКЦИЯХ С СЕНТЕНЦИАЛЬНЫМИ АКТАНТАМИ В ТАТЫШЛИНСКОМ УДМУРТСКОМ

Исследуются свойства субъектов причастий на *-(e)t* (в рамках их употребления в конструкциях с сентенциальными актантами) в татышлинском говоре удмуртского языка. Материал для исследования был собран методом анкетирования в ходе лингвистических экспедиций ОТиПЛ МГУ в Татышлинском районе Республики Башкортостан в 2022–2023 гг. Одним из ключевых аспектов исследования является синтаксический статус немаркированных субъектов, входящих в состав причастной конструкции. В исследовании Е. Георгиевой такие субъекты в удмуртском и ряде других языков интерпретируются как инкорпорированные именные основы. На основании ряда свойств, которые демонстрируют немаркированные субъекты в конструкциях с сентенциальными актантами в татышлинском удмуртском, можно сделать вывод, что подход с инкорпорацией неприменим к собранному материалу. В частности, немаркированные субъекты способны модифицироваться прилагательными, числительными и указательными местоимениями. Также обращается внимание на связь между свойствами немаркированного субъекта и синтаксической позицией сентенциального актанта. Считается, что если сентенциальный актант занимает позицию подлежащего или прямого дополнения, то его немаркированный субъект остается беспадежным и представляет собой малую именную группу; в остальных случаях немаркированный субъект сентенциального актанта является полной именной группой и имеет падеж – номинатив. Во-первых, если сентенциальный актант занимает позицию подлежащего или прямого дополнения, то в нем в качестве немаркированных субъектов не могут выступать личные местоимения, имена собственные и одушевленные существительные, обозначающие людей; однако подобное для других сентенциальных актантов разрешается. Во-вторых, при сентенциальных актантах, не занимающих позицию подлежащего или прямого дополнения, немаркированный субъект способен присоединять именную морфологию. В-третьих, немаркированные субъекты при сентенциальных актантах, занимающих позицию подлежащего или прямого дополнения, ограничены в возможности отделяться от причастия, в отличие от немаркированных субъектов в других сентенциальных актантах.

Ключевые слова: *сентенциальный актант, немаркированный субъект, удмуртский язык, татышлинский говор, малая именная группа*

Введение

Во многих финно-угорских и алтайских языках [1–3] фиксируется дифференцированное падежное маркирование субъекта в нефинитных клаузах. Татышлинский говор удмуртского языка, распространенный в Татышлинском районе Республики Башкортостан¹, не является исключением: как иллюстрируют примеры (1)–(2), в клаузах с причастием на *-(e)t* в конструкциях с сентенциальными актантами (КСА) субъект может иметь как генитивную, так и немаркированную форму.

(1)	a.	<i>vas'a</i>	<i>kâl-e</i>	<i>pûnă</i>	<i>ût-em-ez.</i> ²
		Вася	слышать-PRS.3SG	собака	лаять-PTCP.PST-ACC

¹ Материал для настоящего исследования был собран нами в ходе лингвистических экспедиций ОТиПЛ МГУ в 2022–2023 гг. Подробная информация о проекте по исследованию татышлинского говора удмуртского языка доступна на сайте: <http://tatyshly-udmurt.tilda.ws/>. Благодарю носителей татышлинского говора удмуртского языка, которые со мной работали, и Е. В. Кашкина за обсуждение материала.

² Обычно финитный глагол занимает последнюю позицию в предложении, тем не менее для современного удмуртского языка такой порядок слов не является строгим. В данном материале имеются предложения как с порядком SVO, так и с порядком SOV, поэтому, как представляется, порядок слов не является значимым фактором, влияющим на маркирование субъекта СА.

b.	<i>vas'a</i>	<i>kâl-e</i>	<i>pûnă-les'</i>	<i>ût-em-ze</i> ³ .
	Вася	слышать-PRS.3SG	собака-GEN2 ⁴	лаять-PTCP.PST-ACC.POSS.3SG
	‘Вася слышит, что собака лает’.			

В данной работе рассматривается синтаксический статус немаркированных субъектов и показывается, что их нельзя считать инкорпорированными именными группами, как это сделано в работе Е. Георгиевой [5] на удмуртском материале. Мы считаем, что немаркированные субъекты в татышлинском удмуртском в одних случаях представляют собой малые именные группы без падежа, а в других – полные номинативные именные группы; синтаксический статус немаркированных субъектов зависит от позиции СА. Во втором разделе подробно рассматриваются свойства немаркированных субъектов. Третий раздел посвящен обсуждению собранного материала, а четвертый раздел завершает статью.

1. Свойства немаркированных субъектов в КСА

В работе Е. Георгиевой [5] рассматриваются следующие свойства немаркированных субъектов в нескольких финно-угорских языках (удмуртском, коми-зырянском и луговом марийском):

- какой именной группой может быть выражен немаркированный субъект;
- способность немаркированного субъекта присоединять именную морфологию и частицы;
- возможность модификации немаркированного субъекта;
- способность немаркированного субъекта отделяться от причастия;
- возможность анафорической отсылки к немаркированному субъекту.

Результаты исследования, проведенного Е. Георгиевой, показывают, что немаркированные субъекты в удмуртском языке выражаются только неодушевленными существительными, не могут присоединять именную морфологию и частицы, модифицироваться прилагательными и быть отделенными от причастия; кроме того, они не проходят тест на анафору. На основании перечисленных результатов исследовательница делает вывод о том, что немаркированные субъекты в удмуртском представляют собой инкорпорированные именные основы и составляют часть компаундов. Данные татышлинского говора удмуртского языка, которые будут представлены ниже, демонстрируют другие результаты перечисленных диагностик⁵, тем самым создавая препятствия для анализа немаркированных субъектов как инкорпорированных именных основ.

1.1. Типы субъектов

Предполагая, что иерархия одушевленности [6] может влиять на маркирование субъекта причастной клаузы в КСА, в качестве потенциальных немаркированных субъектов были рассмотрены следующие именные группы: личные местоимения 1–2-го лица, имена собственные,

³ В татышлинском удмуртском посессивное маркирование в причастных КСА в целом следует правилам посессивного согласования в послеложной группе: посессивное согласование с генитивным компонентом 2–3 лица обязательно, посессивное согласование с немаркированными компонентами 3-го лица невозможно, посессивное согласование с немаркированным компонентом 2-го лица необязательно, согласование с любым компонентом 1-го лица опционально [4].

⁴ В удмуртском языке, когда именная группа занимает позицию прямого объекта, падеж ее посессора меняется с обычного генитива с показателем *-len* на показатель *-les'*, который мы будем называть «вторым генитивом» (для данного падежного показателя распространен также ярлык «аблатив») и глоссировать как GEN2 в связи с этой его особенностью.

⁵ Тест на анафору и способность присоединять частицы в данной статье не рассматриваются, так как по этим диагностикам собрано недостаточно данных.

одушевленные существительные, относящиеся к людям, прочие одушевленные и неодушевленные существительные. Было выявлено, что выбор маркирования субъекта зависит не только от семантического класса именной группы, но и от падежного оформления СА: при СА, выполняющих роль подлежащего или прямого дополнения, личные местоимения 1–2-го лица, имена собственные и одушевленные существительные, обозначающие людей, не могут быть немаркированными:

- (2) a. *Tamara-lâ kel'š-e t̃nad kârž'a-m-ed.*
 Тамара-DAT нравиться-PRS.3SG ты.GEN петть-PTCP.PST-POSS.2SG
 b. **Tamara-lâ kel'š-e ton kârž'a-m(-ed).*
 Тамара-DAT нравиться-PRS.3SG ты петть-PTCP.PST-POSS.2SG
 'Тамаре нравится, что ты поешь'.
- (3) a. *Tamara-lâ kel'š-e Vas'a-len kârž'a-m-ez.*
 Тамара-DAT нравиться-PRS.3SG Вася.GEN петть-PTCP.PST-POSS.3SG
 b. **Tamara-lâ kel'š-e Vas'a kârž'a-m(-ez).*
 Тамара-DAT нравиться-PRS.3SG Вася петть-PTCP.PST-POSS.3SG
 'Тамаре нравится, что Вася поет'.
- (4) a. *Vas'a tod-e m̃n-es't-âm košk-em-me.*
 Вася знать-PRS.3SG я.GEN2-POSS.1SG уйти-PTCP.PST-ACC.POSS.1SG
 b. *??Vas'a tod-e mon košk-em-me / košk-em-ez.*
 Вася знать-PRS.3SG я уйти-PTCP.PST-ACC.POSS.1SG уйти-PTCP.PST-ACC
 'Вася знает, что я уехал'.
- (5) a. *Ruslan kâl-e ñl-les' kârž'a-m-ze.*
 Руслан слышать-PRS.3SG девочка.GEN2 петть-PTCP.PST-ACC.POSS.3SG
 b. *??Ruslan kâl-e ñl kârž'a-m-ze / kârž'a-m-ez.*
 Руслан слышать-PRS.3SG девочка петть-PTCP.PST-ACC.POSS.3SG петть-PTCP.PST-ACC
 'Руслан слышит, что девочка поет'.

Для остальных СА в целом отсутствуют подобные ограничения, хотя предложения с немаркированными субъектами, выраженными личными местоимениями 1–2-го лица, именами собственными и одушевленными существительными, имеют несколько сниженную приемлемость по сравнению с генитивным оформлением субъектов:

- (6) *??Ruslan âšan-e anaj bert-em-lâ.*
 Руслан верить-PRS.3SG мать возвращаться-PTCP.PST-DAT
 'Руслан верит, что мать вернется'.
- (7) *??Tamara mon košk-em-e-les' kâška-Ø.*
 Тамара я уйти-PTCP.PST-POSS.1SG-GEN2 бояться-PRS.3SG
 'Тамара боится, что я уеду'.
- (8) *??mon Maša-jen veras'k-is'ko-ø Vas'a košk-em s'aris'.*
 я Маша-INS разговаривать-PRS-1SG Вася уйти-PTCP.PST об
 'Я разговариваю с Машей о том, что Вася уезжает'.

Одушевленные существительные, не связанные с обозначением людей, а также неодушевленные существительные могут выступать в роли немаркированных субъектов во всех рассмотренных СА:

- (9) *Tamara-lâ pûnă ût-em ug kel'šâ.*
 Тамара-DAT собака лаять-PTCP.PST NEG.PRS.3 нравиться
 'Тамаре не нравится, что собака лает'.
- (10) *Ruslan adž'-i-z karandaš us'-em-ez.*
 Руслан видеть-PST-3SG карандаш падать-PTCP.PST-ACC
 'Руслан видел, что карандаш упал'.
- (11) *Ruslan kâška-ø pûnă kurtč'-em-les'.*
 Руслан бояться-PRS.3SG собака кусать-PTCP.PST-GEN2
 'Руслан боится того, что собака укусит'.

Информация о способах оформления различных типов субъектов представлена в табл. 1.

Таблица 1

Стратегии оформления субъектов в КСА в татышлинском удмуртском

Оформление СА	Маркирование субъекта	Личные местоимения 1–2-го лица	Имена собственные	Одушевленные существительные (люди)	Одушевленные существительные	Неодушевленные существительные
NOM	генитив	ok	ok	ok	ok	ok
	немарк.	*	*	*	ok	ok
ACC	генитив	ok	ok	ok	ok	ok
	немарк.	??	??	??	ok	ok
DAT	генитив	ok	ok	ok	ok	ok
	немарк.	?	?	?	ok	ok
GEN2	генитив	ok	ok	ok	ok	ok
	немарк.	?	?	?	ok	ok
<i>s'aris</i> 'об'	генитив	ok	ok	ok	ok	ok
	немарк.	?	?	?	ok	ok

Еще одним отличием номинативных и аккузативных СА является то, что в них в качестве немаркированных субъектов невозможны посессивные именные группы (12b)–(13b). Для такой именной группы возможно только генитивное оформление (12a)–(13a). Тем не менее в других СА посессивная именная группа может быть немаркированным субъектом (14)–(16).

- (12) a. *mânâm ug kel'šâ kôrăš-len*
 я.DAT NEG.PRS.3 нравиться сосед-GEN
pûni-jez-len ût-em-ez.
 собака-POSS.3SG-GEN лаять-PTCP.PST-POSS.3SG
- b. **mânâm ug kel'šâ kôrăš-len pûni-jez*
 я.DAT NEG.PRS.3 нравиться сосед-GEN собака-POSS.3SG
ût-em(-ez).
 лаять-PTCP.PST-POSS.3SG
 'Мне не нравится, что собака соседа лает'.

- (13) a. *mon kâl-is'ko-ø kôrăš-len pûni-jez-les'*
я слышать-PRS-1SG сосед-GEN собака-POSS.3SG-GEN2
ût-em-ze.
лаять-PTCP.PST-ACC.POSS.3SG
- b. **mon kâl-is'ko-ø kôrăš-len pûni-jez*
я слышать-PRS-1SG сосед-GEN собака-POSS.3SG
ût-em-ez / ût-em-ze.
лаять-PTCP.PST-ACC лаять-PTCP.PST-ACC.POSS.3SG
'Я слышу, что собака соседа лает'.
- (14) *mon kăška-s'ko-ø kôrăš-len pûni-jez ût-em-les'*
я бояться-PRS-1SG сосед-GEN собака-POSS.3SG лаять-PTCP.PST-GEN2
'Я боюсь того, что собака соседа лает'.
- (15) *Ruslan âšan-e Tamara-len anaj-ez bert-em-lâ.*
Руслан верить-PRS.3SG Тамара-GEN мать-POSS.3SG возвращаться-PTCP.PST-DAT
'Руслан верит, что мать Тамары вернется'.
- (16) *mon Vas'a-jen veras'k-is'ko-ø urom-len*
я Вася-INS разговаривать-PRS-1SG друг-GEN
pûni-jez ût-em s'aris'.
собака-POSS.3SG лаять-PTCP.PST об
'Я разговариваю с Васей о том, что собака друга лает'.

Таким образом, в отличие от данных Е. Георгиевой [5], татышлинские данные демонстрируют больше возможностей для способов выражения немаркированного субъекта. Также была выявлена зависимость между оформлением сентенциального актанта и маркированием его субъекта, которая, насколько известно, ранее не отмечалась для удмуртских идиомов.

1.2. Именная морфология

Рассмотрим немаркированные субъекты на предмет их способности присоединять показатели числа и посессивности. Здесь также СА, занимающие позицию подлежащего и прямого дополнения, обособляются от остальных СА: их немаркированные субъекты не могут принимать на себя показатели числа и посессивности:

- (15) a. *Tamara-lâ ug kel'sâ pûni-jos-len ût-em-zâ.*
Тамара-DAT NEG.PRS.3 нравиться собака-PL-GEN лаять-PTCP.PST-POSS.3PL
- b. **Tamara-lâ ug kel'sâ pûni-jos ût-em(-zâ).*
Тамара-DAT NEG.PRS.3 нравиться собака-PL лаять-PTCP.PST-POSS.3PL
'Тамаре не нравится, что собаки лают'.
- (16) a. *Tamara-lâ ug kel'sâ pûni-je-len*
Тамара-DAT NEG.PRS.3 нравиться собака-POSS.1SG-GEN
ût-em-ez.
лаять-PTCP.PST-POSS.3SG
- b. **Tamara-lâ ug kel'sâ pûni-je*
Тамара-DAT NEG.PRS.3 нравиться собака-POSS.1SG
ût-em(-ez).
лаять-PTCP.PST-POSS.3SG
'Тамаре не нравится, что моя собака лает'.

- (17) a. *Vas'a tod-e pùni-jos-les' ùt-em-ze.*
 Вася знать-PRS.3SG собака-PL-GEN2 лаять-PTCP.PST-ACC.POSS.3SG
 b. **Vas'a tod-e pùni-jos ùt-em-ez /*
 Вася знать-PRS.3SG собака-PL лаять-PTCP.PST-ACC
ùt-em-ze.
 лаять-PTCP.PST-ACC.POSS.3SG
 'Вася знает, что собаки лают'.
- (18) a. *Vas'a kâl-e pùni-je-les' ùt-em-ze.*
 Вася слышать-PRS.3SG собака-POSS.1SG-GEN2 лаять-PTCP.PST-ACC.POSS.3SG
 b. **Vas'a kâl-e pùni-je*
 Вася слышать-PRS.3SG собака-POSS.1SG
ùt-em-ez / ùt-em-ze.
 лаять-PTCP.PST-ACC лаять-PTCP.PST-ACC.POSS.3SG
 'Вася слышит, что моя собака лает'.

Немаркированные субъекты в остальных СА присоединяют именные показатели, однако предложения с немаркированными субъектами, имеющими показатель посессивности, оцениваются чуть ниже по сравнению с немаркированными субъектами с числовым показателем:

- (19) *Ol'a âšan-e koč'âš-jos ùt-em-lâ.*
 Оля верить-PRS.3SG кот-PL лаять-PTCP.PST-DAT
 'Оля верит, что кошки лают'.
- (20) *Ol'a kâška-ø pùni-jos ùt-em-les'.*
 Оля бояться-PRS.3SG собака-PL лаять-PTCP.PST-GEN2
 'Оля боится того, что собаки лают'.
- (21) *?Ol'a kâška-ø pùni-je ùt-em-les'.*
 Оля бояться-PRS.3SG собака-POSS.1SG лаять-PTCP.PST-GEN2
 'Оля боится того, что моя собака лает'.
- (22) *?mon veras'k-is'ko-ø Vas'a-jen pùni-je*
 я разговаривать-PRS-1SG Вася-INS собака-POSS.1SG
ùt-em s'aris'.
 лаять-PTCP.PST об
 'Я разговариваю с Васей о том, что моя собака лает'.

Следовательно, можно заключить, что некоторые типы немаркированных субъектов в татышлинском удмуртском могут присоединять именную морфологию, что противоречит результатам, полученным в работе Е. Георгиевой [5].

1.3. Модификация

Во время работы над исследованием была проверена модификация немаркированных субъектов прилагательным, числительным и указательным местоимением. Выяснилось, что все немаркированные субъекты, независимо от СА, могут подвергаться такой модификации. Ниже приведены примеры модификации немаркированных субъектов в аккузативных СА (23)–(25) и других типах СА (26)–(27).

- (23) *Vas'a kâl-e peres' pînă üt-em-ez.*
Вася слышать-PRS.3SG старый собака лаять-PTCP.PST-ACC
'Вася слышит, что старая собака лает'.
- (24) *Vas'a adž'-i-z vit' karandaš uis'-em-ez.*
Вася видеть-PST-3SG пять карандаш падать-PTCP.PST-ACC
'Вася видит, что пять карандашей упало'.
- (25) *Ruslan adž'-i-z ta karandaš uis'-em-ez.*
Руслан видеть-PST-3SG этот карандаш падать-PTCP.PST-ACC
'Руслан видел, что этот карандаш упал'.
- (26) *Vas'a kâška-ø ta pînă üt-em-les'.*
Вася бояться-PRS.3SG этот собака лаять-PTCP.PST-GEN2
'Вася боится, что эта собака лает'.
- (27) *Vas'a âšan-e vit' karandaš uis'-em-lâ.*
Вася верить-PRS.3SG пять карандаш падать-PTCP.PST-DAT
'Вася верит, что пять карандашей упало'.

Результаты исследования относительно модификации немаркированных субъектов значительно отличаются от данных, представленных в работе Е. Георгиевой [5].

1.4. Отделимость

В плане отделимости номинативные и аккузативные СА снова отличаются от других СА: их немаркированные субъекты обладают крайне ограниченной отделимостью. Немаркированные субъекты таких СА могут (но не во всех идиолектах) быть отделены прямым дополнением, выраженным существительным (28). Также бо́льшая половина опрошенных носителей позволяет отделение немаркированного субъекта рефлексивным местоимением (29). Отделимость немаркированного субъекта прямыми дополнениями, выраженными личными местоимениями и именами собственными, затруднительна для большинства носителей; в этом случае предпочтительна генитивная стратегия оформления субъекта (30)–(31).

- (28) *ʔmon adž'-i-z pînă lâ / li-jez ž'ârj-em-ez.*
я видеть-PST-3SG собака кость кость-ACC грызть-PTCP.PST-ACC
'Я видел, что собака грызет кость'.
- (29) *ʔRuslan adž'-e pînă as-se n'ul-em-ez.*
Руслан видеть-PRS.3SG собака REFL-ACC.POSS.3SG лизать-PTCP.PST-ACC
'Руслан видит, что собака вылизывает себя'.
- (30) a. *Ruslan adž'-e pînă-les' mon-e n'ul-em-ze.*
Руслан видеть-PRS.3SG собака-GEN2 я-ACC лизать-PTCP.PST-ACC.POSS.3SG
'Руслан видит, что собака вылизывает меня'.
- b. *ʔʔRuslan adž'-e pînă mon-e n'ul-em-ez.*
Руслан видеть-PRS.3SG собака-GEN2 я-ACC лизать-PTCP.PST-ACC
'Руслан видит, что собака вылизывает меня'.
- (31) a. *mon adž'-i-ø pînă-les' Tamara-jez kurtč'-em-ze.*
я видеть-PST-1SG собака-GEN2 Тамара-ACC кусать-PTCP.PST-ACC.POSS.3SG

- b. ^{??}*mon* *adž'-i-ø* *pünä* ***Tamara-jez*** *kurtč'-em-ez.*
 я видеть-PRS-1SG собака Тамара-ACC кусать-PTCP.PST-ACC
 'Я видел, что собака укусила Тамару'.

Отделение немаркированных субъектов в номинативных и аккузативных СА непрямыми дополнениями, а также обстоятельствами в виде локативных выражений и наречий невозможно:

- (32) a. *mon* *tod-is'ko-ø* *koč'âš-les'* ***pünä-les'*** *kâška-m-ze.*
 я знать-PRS-1SG кот-GEN2 собака-GEN2 бояться-PTCP.PST-ACC.POSS.3SG
 b. **mon* *tod-is'ko-ø* *koč'âš* ***pünä-les'*** *kâška-m-ez.*
 я знать-PRS-1SG кот собака-GEN2 бояться-PTCP.PST-ACC
 'Я знаю, что кошка боится собаки'.
- (33) a. *Vas'a* *kâl-e* *pünä-les'* ***azbar-ân*** *üt-em-ze.*
 Вася слышать-PRS.3SG собака-GEN2 двор-LOC лаять-PTCP.PST-ACC.POSS.3SG
 b. **Vas'a* *kâl-e* *pünä* ***azbar-ân*** *üt-em-ez.*
 Вася слышать-PRS.3SG собака двор-LOC лаять-PTCP.PST-ACC
 'Вася слышит, что собака во дворе лает'.
- (34) a. *mon* *tod-is'ko-ø* *pünä-les'* ***ättä*** *üt-em-ze.*
 я знать-PRS-1SG собака-GEN2 часто лаять-PTCP.PST-ACC.POSS.3SG
 b. **mon* *tod-is'ko-ø* *pünä* ***ättä*** *üt-em-ez.*
 я знать-PRS-1SG собака часто лаять-PTCP.PST-ACC
 'Я знаю, что собака часто лает'.

Немаркированные субъекты в остальных СА обладают достаточно хорошей делимостью. В предложениях (35)–(36) показана возможность отделения немаркированных субъектов прямыми дополнениями, выраженными личным местоимением и именем собственным. Отделение немаркированных субъектов локативными выражениями и наречиями также возможно для большинства носителей (37)–(38).

- (35) *Ruslan* *kâška-ø* *pünä* ***mon-e*** *kurtč'-em-les'.*
 Руслан бояться-PRS.3SG собака я-ACC кусать-PTCP.PST-GEN2
 'Руслан боится, что собака укусит меня'.
- (36) *mon* *âšan-is'ko-ø* *pünä* ***Tamara-jez*** *kurtč'-em-lâ.*
 я верить-PRS-1SG собака Тамара-ACC кусать-PTCP.PST-DAT
 'Я верю, что собака укусила Тамару'.
- (37) [?]*mon* *âšan-is'ko-ø* *Ruslan* ***Kazan'-ân*** *ül-em-lâ.*
 я верить-PRS-1SG Руслан Казань-LOC жить-PTCP.PST-DAT
 'Я верю, что Руслан живет в Казани'.
- (38) [?]*Ruslan* *kâška-ø* *pünä* ***ättä*** *kurtč'-em-les'.*
 Руслан бояться-PRS.3SG собака часто кусать-PTCP.PST-GEN2
 'Руслан боится, что собака часто кусается'.

Таким образом, по параметру делимости полученные результаты не совпадают с результатами Е. Георгиевой. Исследовательница указывает на то, что немаркированные субъек-

ты никак не способны отделяться от причастия, тогда как материалы, собранные автором настоящей статьи, демонстрируют то, что даже немаркированные субъекты в номинативных и аккумулятивных СА способны отделяться некоторыми элементами.

2. Обсуждение

Сравнение результатов, полученных для татышлинского удмуртского, и данных Е. Георгиевой приведено в табл. 2.

Таблица 2

Свойства немаркированных субъектов: сравнение данных Е. Георгиевой [5] и данных, полученных для татышлинского удмуртского

Свойство	Результаты Е. Георгиевой [5]	Данные татышлинского удмуртского
Тип субъекта	Немаркированными субъектами могут быть только неодушевленные существительные	Немаркированные субъекты могут быть выражены разными именными группами, в том числе личными местоимениями (см. табл. 1)
Именная морфология	Именная морфология невозможна на немаркированных субъектах	Именная морфология возможна у некоторых немаркированных субъектов (в СА, не занимающих позицию подлежащего и прямого дополнения)
Модификация	Немаркированный субъект нельзя ничем модифицировать	Немаркированные субъекты возможно модифицировать прилагательным, числительным и указательным местоимением
Отделимость	Немаркированный субъект не может быть отделен от причастия	Немаркированный субъект может быть отделен от причастия некоторыми прямыми объектами, а в случае немаркированных субъектов в СА, не занимающих позиции подлежащего и прямого дополнения, возможна отделимость и обстоятельствами

Как видно из табл. 2, полученные данные во многом расходятся с результатами Е. Георгиевой. Возможно, здесь сыграли роль диалектные различия между удмуртскими идиомами. Исследовательница явно не указывает, с носителями каких диалектов она работала, однако по косвенным признакам можно заключить, что работа велась с носителями, проживающими в Республике Удмуртия, тогда как материалы, представленные в настоящей статье, получены от носителей удмуртского языка, проживающих в Республике Башкортостан. Поэтому можно предположить, что морфологические и синтаксические свойства немаркированных субъектов зависят от диалектных различий между удмуртскими идиомами.

Е. Георгиева на основании полученных ею данных анализирует немаркированные субъекты как инкорпорированные именные основы. Однако татышлинские данные не поддерживают эту точку зрения. Во-первых, немаркированные субъекты могут быть модифицированы прилагательными, числительными и указательными местоимениями. Во-вторых, некоторые немаркированные субъекты могут быть оформлены именной морфологией. В-третьих, немаркированные субъекты могут быть отделены от причастия некоторыми лексическими единицами.

Нельзя не отметить, что в татышлинском удмуртском свойства немаркированных субъектов зависят от синтаксической позиции СА. В этом плане немаркированные субъекты распадаются на две группы: те, которые употребляются в СА, занимающих позиции подлежащего и прямого дополнения, и все остальные. Свойства немаркированных субъектов первого типа крайне ограничены: они не могут быть выражены личными местоимениями, именами собственными и одушевленными существительными, обозначающими людей, не способны присоединять именную морфологию и обладают слабой делимостью (могут быть отделены только некоторыми прямыми дополнениями). Другие немаркированные субъекты не демонстрируют подобных ограничений – так, они присоединяют именную морфологию и достаточно хорошо отделяются от причастия. Эти различия позволяют заключить, что немаркированные субъекты СА, не занимающих позиции подлежащего и прямого дополнения, можно считать номинативными субъектами. Однако немаркированные субъекты СА, занимающих позиции подлежащего и прямого дополнения, обладают явно иным синтаксическим статусом. Мы полагаем, что они представляют собой беспадежные малые именные группы (англ. *small nominals*) [7]. Такие именные группы не нуждаются в получении падежа, в отличие от полных именных групп. Именно поэтому немаркированные субъекты в СА, занимающих позиции подлежащего и прямого объекта, не могут быть выражены, в частности, личными местоимениями, которые являются полными именными группами, требующими падежа [8]. Что касается именной морфологии, то сравнение с другими беспадежными именными структурами, а именно с неоформленным прямым дополнением, которое может быть маркировано показателем числа в татышлинском удмуртском [9], показывает, что немаркированные субъекты в СА, занимающих позиции подлежащего и прямого дополнения, по-видимому, являются именными группами размера не больше NP. Крайняя ограниченность дистантного расположения по отношению к причастию может объясняться процессом псевдоинкорпорации, которая применялась для анализа немаркированных субъектов нефинитной предикации в некоторых тюркских языках [10, 11]. Некоторую трудность для применения анализа с псевдоинкорпорацией составляет тот факт, что немаркированные субъекты в СА, занимающих позиции подлежащего или прямого дополнения, могут быть отделены от причастия некоторыми прямыми дополнениями. Тем не менее аналогичная проблема встречается и в некоторых других языках, к анализу материала которых применяется подход с псевдоинкорпорацией [12].

Заключение

Таким образом, были рассмотрены свойства немаркированных субъектов в КСА в татышлинском удмуртском. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что анализ немаркированных субъектов в удмуртском как инкорпорированных именных основ, предложенный Е. Георгиевой [5], неприменим к материалу татышлинского удмуртского. Было обнаружено, что СА можно разделить на два класса в зависимости от свойств их немаркированных субъектов: СА, занимающие позиции подлежащего и прямого дополнения, и остальные СА. Немаркированные субъекты в СА первого типа предлагается считать беспадежными малыми именными группами: они не могут быть выражены личными местоимениями (и некоторыми другими именными группами) и не присоединяют именную морфологию. Немаркированные субъекты в СА второго типа представляют собой номинативные именные группы.

Условные обозначения

ACC – аккумулятив, DAT – датив, GEN – генитив, GEN2 – «второй» генитив, INS – инструмен-
талис, LOC – локатив, NEG – отрицание, PL – множественное число, POSS – посессивность, PRS –
настоящее время, PST – прошедшее время, PTCP – причастие, REFL – рефлексив, SG – единст-
венное число, 1, 2, 3 – лицо.

Список источников:

1. Kornfilt J. Subject Case in Turkish Nominalized Clauses // Syntactic Structures and Morphological Information / eds. U. Junghanns, L. Szucsich. Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 2003. P. 129–215.
2. Сердобольская Н. В. Номинатив в номинализации: субъект зависимой предикации или именное зависимое // Исследования по глагольной деривации: сб. ст. / ред. В. А. Плунгян, С. Г. Татевосов. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 314–347.
3. Bondarenko T. Subject marking and scrambling effects in Balkar nominalizations // Proceedings of the First Workshop on Turkish, Turkic, and the languages of Turkey (tu+1) / eds. I. F. Akkuş, İ. K. Bayırlı, D. Özyıldız. Graduate Linguistics Student Association, University of Massachusetts, 2018. P. 27–42.
4. Бызова А. А., Давидюк Т. И. Морфосинтаксические свойства именной и послеложной групп в татышлинском говоре удмуртского языка // XVIII Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 25–27 ноября 2021 г.).
5. Georgieva E. The case marking of subjects in Udmurt, Komi Zyryan, and Meadow Mari non-finite clauses // Nyelvtudományi Közlemények. 2016. Vol. 112. P. 77–107.
6. Silverstein M. Hierarchy of Features and Ergativity // Grammatical Categories in Australian Languages / ed. R. M. W. Dixon. Canberra: Australian National University, 1976. P. 112–171.
7. Pereltsvaig A. Small Nominals // Natural Language and Linguistic Theory. 2006. Vol. 24(2). P. 433–500.
8. Déchaine R. M., Wiltschko M. Decomposing pronouns // Linguistic Inquiry. 2002. Vol. 33(3). P. 409–442.
9. Крюкова А. И. Дифференцированное маркирование объекта в татышлинском удмуртском. Экспедиционный отчет. Рукопись, 2023.
10. Kornfilt J. DOM and two types of DSM in Turkish // Differential Subject Marking / eds. H. de Hoop, P. de Swart. Dordrecht: Springer, 2009. P. 79–111.
11. Ótrott-Kovács E. Differential Subject Marking in Kazakh // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. 2022. Vol. 28(1). P. 146–155.
12. Arkadiev P. M., Testeleys Ya. G. Differential nominal marking in Circassian // Studies in Language. 2019. Vol. 43(3). P. 715–751.

Давидюк Татьяна Игоревна.
Младший научный сотрудник.

Институт языкознания РАН.

Большой Кисловский пер., 1, стр. 1, Москва, 125009.

Аспирант.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

Ленинские горы, 1, стр. 51, Филологический факультет, Москва, 119991.

Программист.

Научно-исследовательский вычислительный центр МГУ им. М. В. Ломоносова.

Ул. Колмогорова, 1, стр. 4, Лаборатория автоматизированных лексикографических систем, 119234.

E-mail: rachekit@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 27 октября 2023 г.

T. I. Davidyuk

THE SUBJECT OF ARGUMENT CLAUSES WITH THE PARTICIPLE -EM IN TATYSHLY UDMURT

This article presents a study of subjects in participle -(e)m constructions (in the context of their use as sentential arguments) in the Tatyshly dialect of the Udmurt language. The research material was collected during linguistic expeditions of the Department of Theoretical and Applied Linguistics (Lomonosov MSU) in the Tatyshly

region of the Republic of Bashkortostan in 2022–2023. One of the main aspects of this research is the syntactic status of unmarked subjects. In E. Georgieva's research, such subjects in Udmurt and other languages are interpreted as incorporated nominal stems. Based on a number of features exhibited by unmarked subjects in argument participial constructions in Tatyshly Udmurt, I conclude that the incorporation approach does not apply to my data. In particular, unmarked subjects can be modified by adjectives, numerals, and demonstratives.

Furthermore, the article emphasizes the correlation between the properties of unmarked subjects and the syntactic position of the sentential argument. I suggest that when the sentential argument occupies the subject or direct object position, its unmarked subject remains caseless and represents a small nominal. In other cases, the unmarked subject of the sentential argument is a complete noun phrase and is in the nominative case. First, when the sentential argument takes the subject or direct object positions, personal pronouns, proper nouns, and animate nouns denoting people cannot be unmarked subjects; however, this is allowed for other sentential arguments. Secondly, with sentential arguments not occupying the subject or direct object positions, the unmarked subject can take on nominal morphology. Thirdly, unmarked subjects in sentential arguments that occupy the subject or direct object positions are restricted in their ability to move away from the participle, unlike unmarked subjects in other sentential actants

Keywords: *sentential argument, unmarked subject, Udmurt language, Tatyshly dialect, small nominal*

References:

1. Kornfilt J. Subject Case in Turkish Nominalized Clauses. Syntactic Structures and Morphological Information, ed. by U. Junghanns, L. Szucsich. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2003. P. 129–215.
2. Serdobolskaya N. Nominativ v nominalizacii: sub'ekt zavisimoy predikacii ili imennoe zavisimoe [Nominative in nominalization: subject of dependent predication or nominal dependent]. Issledovaniya po glag'noy derivatsii: sbornik statey [Research on Verb Derivation: Collection of Articles] / ed. by V. Plungyan, S. Tatevosov. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008. P. 314–347 (in Russian).
3. Bondarenko T. Subject marking and scrambling effects in Balkar nominalizations. Proceedings of the First Workshop on Turkish, Turkic, and the languages of Turkey (tu+1), ed. by I. F. Akkuş, İ. K. Bayırlı, D. Özyıldız. Graduate Linguistics Student Association, University of Massachusetts, 2018. P. 27–42.
4. Byzova A., Davidyuk T. Morfosintaksicheskie svoystva imennoj i poslelozhnoj grupp v tatyshlinskom govore udmurtskogo yazyka [Morphosyntactic properties of noun and postpositional phrases in Tatyshly Udmurt]. XVIII Conference on typology and grammar for young scholars (St. Petersburg, ILS RAS, 25–27 November 2021) (in Russian).
5. Georgieva E. The case marking of subjects in Udmurt, Komi Zyryan, and Meadow Mari non-finite clauses. Nyelvtudományi Közlemények, 2016. No. 112. P. 77–107.
6. Silverstein M. Hierarchy of Features and Ergativity. Grammatical Categories in Australian Languages, ed. by R. M. W. Dixon. Canberra, Australian National University, 1976. P. 112–171.
7. Pereltsvaig A. Small Nominals // Natural Language and Linguistic Theory. 2006. No. 24(2). P. 433–500.
8. Déchaine R. M., Wiltschko M. Decomposing pronouns // Linguistic Inquiry. 2002. No. 33(3). P. 409–442.
9. Kriukova A. Differencirovannoe markirovanie ob'ekta v tatyshlinskom udmurtskom [Differential object marking in Tatyshly Udmurt]. Expedition report. Manuscript. 2023.
10. Kornfilt J. DOM and two types of DSM in Turkish. Differential Subject Marking, ed. by H. de Hoop and P. de Swart. Dordrecht, Springer, 2009. P. 79–111.
11. Ótót-Kovács E. Differential Subject Marking in Kazakh // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. 2022. No. 28(1). P. 146–155.
12. Arkadiev P. M., Testeleys Ya. G. Differential nominal marking in Circassian // Studies in Language. 2019. No. 43(3). P. 715–751.

Davidyuk Tatiana Igorevna.

Junior researcher.

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

Bolshoy Kislovsky lane, 1, bld. 1, Moscow, Russia, 125009.

PhD student.

Lomonosov Moscow State University.

Leninskie Gory, GSP-1, 1-51, 1 Humanities Building, Faculty of Philology, Moscow, Russia, 119991.

Programmer.

Research Computing Center of Lomonosov Moscow State University.

Leninskie Gory, 1, bld. 4, Moscow, Russia, 119234.

E-mail: rachekit@yandex.ru